

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nekrasovniko1ai.ru/> Приятного чтения!

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов

Действующие лица
Потап Иванович Лоскутков, ростовщик.

Лиза, его дочь.

Иван Федорович Налимов, влюбленный в Лизу,

Неизвестный господин.

Издатель.

Краснохвостов.

Акулина Степановна.

Ростомахов.

Подзатыльников, приказчик без места.

Слуга.

Театр представляет комнату ростовщика, загроможденную шкафами и разного мебелью; на шкафах несколько штук столовых часов, множество подсвечников и проч.; на стульях неубранные платья, в углу ружья, на полу тюки и т. д.

Явление 1
Лоскутков и Налимов.

Налимов. Так вы решительно отказываете мне в руке вашей дочери?

Лоскутков. Я? Сохрани меня бог! Да лучшего жениха для моей дочери я никогда не желал! Только...

Налимов. Только, Потап Иваныч...

Лоскутков. Только будем говорить откровенно, как благородные люди.

Налимов. Говорите.

Лоскутков. Вы хотите, чтоб я отдал за вас мою дочь? Ну хорошо... то есть чтоб я отдал вам ее совсем, как следует, и до нее не касался, никакой от нее пользы не получал... Хорошо... Я знаю, вы человек благородный, – вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут... да как же вы хотите, чтоб я отдал вам ее безо всего?

Налимов. Помилуйте, если вам угодно будет дать что-нибудь в приданое... я за особенное счастье почту...

Лоскутков. Та! та! та! Вот тут-то и запятая! А я говорю, не угодно ли вам будет что-нибудь подарить... так... в знак родственного расположения.

Налимов (всплеснув руками). Господи! В первый раз слышу такие слова от благородного человека! (В сторону.) Ракалия! (Громко.) Все отцы еще награждают приданым дочерей своих.

Лоскутков. Мне дела нет до других отцов. Пускай себе хоть всё дочерям отдадут, а сами по миру ходят, а я вот как рассуждаю... вы теперь нанимаете кухарку... человека, что ли... ну, холостой человек – может, и другие расходы есть. Берете у меня дочь – женитесь... натурально, делаете приобретение... А? сочтите-ка, сколько у вас останется г. барышах от того, от другого... Э? Можете даже кухарки не нанимать... я уж о других расходах не говорю... А мне ничего... я бедный человек...

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru кормил, поил ее... Знаете, у ней всегда такой аппетит, фунта по четыре хлеба на день съедала... ей-богу, как благородный человек. Уж не знаю, в кого она такая уродилась... Я совсем, кроме луку н хлеба, ничего не люблю, а жена-покойница даже лук роскошью называла... мало того, я даже башмаки дочери моей покупал! Черт знает! Разорение! Никто под залог башмаков не приносит! Даже учителя хотел ей нанять. И теперь отдай я дочь ни за что!.. Ха-ха-ха!.. да выкорми я поросенка... щенка выкорми я, приличное воспитание дай – да вы же мне за него деньги бы дали!.. А ведь дочь моя не щенок... не щенок, Иван Федорович!

Налимов. Уж конечно, какой же щенок, Потап Иванович!.. Кабы щенок, стал ли бы я свататься!

Лоскутков. То-то же... Слава богу, такой же она человек, как и все... да еще я вам скажу... вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите, а ведь она у меня... ну, понимаете... со двора ни ногой... присмотр за ней был строжайший всегда... сами можете рассудить... голубица... Петербург – не глушь какая-нибудь... Суньтесь-ка... да вы, я вам скажу, Иван Федорыч, такого кусочка ввек не видали... хе-хе-хе!.. Богачи, знаете... у них тысячи нипочем... ко мне захаживали... будто денег занять... Хе-хе-хе!.. а сам бы, я думаю, тысяч пять отвалил!

Налимов. Ах, Потап Иваныч!

Лоскутков. Ну что Потап Иваныч! Чего испугались? Я дело говорю.

Налимов. Вы за деньги готовы отца родного продать!

Лоскутков. А что?.. Да уж умер... царство ему небесное (крестится), в академию медицинскую можно бы... да жена тогда была еще жива... Куда! руками и ногами! А ведь сгнил же в земле.

Налимов. И все сгнием, Потап Иваныч.

Лоскутков. Сгнием, сгнием, и пеплу нашего не останется!.. Ох! грешные мы люди. (Вздыхает.) Вот па днях умер художник Косточкин... недели за две до смерти пришел ко мне... ради бога, говорит, одолжите двадцать пять рублей, только на два дня... я вам в заклад картину принесу... одна рама, говорит, больше стоит... (Показывая на картину.) Вот эта самая... всё говорил – знаменитого художника какого-то... просил не продавать... непременно, говорит, выкуплю... Да вот и надул, шельма! Взял да и умер в самый день срока! Уж нет хуже народа, как художник, сапожник, извозчик да перевозчик, – правду пословица говорит. Купите, Иван Федорыч, картину... недорого... свою цену возьму... ей-богу, свою... положите пятьдесят рубликов.

Налимов. Да на кой мне ее черт?.. (В сторону.) Ах! какая мысль пришла мне в голову... Хорошо, ей-богу, хорошо. (Подходит к картине.) Картина удивительная в самом деле... вы дешево ее не отдавайте, она, я думаю, тысячи две или три стоит.

Лоскутков (с радостью). Три тысячи!.. Благодетель... Неужели?

Налимов. Она должна быть работы Микель Анжело – как бишь еще? – Вуэнаротти... да, Вуэнаротти... или Рафаэля Сакцио... Сакцио... позабыл, ну да всё равно... я сам у вас этой картины купить не могу, я порекомендовать могу.

Лоскутков. Благодетель! я в ножки поклонюсь... Публиковал уж в «Полицейской газете»: за смертью художника продается–де картина отличной немецкой работы, с изображением трех собак, двух свиней и барана и человека в черкесской шапке, – да что-то никто не является...

Налимов. Хорошо, постараюсь!.. Сегодня же, может быть, к вам придут посмотреть... Ну а уж вы насчет Лизаветы Потаповны?..

Лоскутков. С удовольствием... вы только подарочек приготовьте... так, тысячки две ассигнациями... что вам стоит для будущего тестя похлопотать!.. да, знаете, поскорей. На днях бы и свадьбу сыграли – вот куда и подвенечное платье есть... вчера принесли... Женился молодчик какой-то... через недельку всё приданое проиграл... а на другую уж и есть нечего... подвенечное платье побоку... ха-ха-ха! Суета сует! А Лизе оно как раз впору... коротенько немножко, ну да кто же на ноги у невесты станет смотреть.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Налимов. Грех, Потап Иванович, насчет таких подарочков толковать... ну да уж что с
вами делать... может быть, как-нибудь и достану... А покуда прощайте.

Лоскутков. Не забудьте же картину порекомендовать... А как зовут художника,
который ее рисовал?.. Неравно, знаете, покупатель зайдет... хорошо этак ему
запустить.

Налимов (в дверях). Микель Анжело Буэнаротти. (Уходит.)

явление 2

Лоскутков (один). Буанаротти... Буонаротти... какая фамилия странная... что за
Буонаротти?.. должно быть, бестия чрезвычайная был! из самой фамилии видно... Вот
когда бы за картину тысячки три в самом деле взять... да с Ивана Федорыча тысячки
две... вот бы оно и того... можно бы трески купить и другие лакомства позволить
себе... Добрейший человек Иван Федорыч, только я дочери так ему не отдам... жирен
будешь!.. Стыдитесь, говорит, – вот те раз; да чего же тут стыдиться? А опять
пусть даже было бы и стыдно, а деньги всё-таки следует взять... деньги великое
дело, я за деньги готов на всё решиться. Вот черта так совсем в свете нет: я
несколько раз призывал его – хотел душу продать, и дешево бы взял, ей-богу, за
пустяки отдал бы... не является! Вот поди – верь тут ученым!.. Я и ничему не
учился, да поскорей их собственным умом добрался, в чем штука-то... как сам
денег-то не накопишь, так черт тебе их не даст. Нет, она, денежка-то, мудрено
достается. Много я труда положил.

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, всё в мире,
Дело – капитал».
И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.
С той поры к монете звонкой
Страсть вдруг получив,
Стал у всех я собачонкой,
Кто богат и чив.
Руки им из угожденья
Я лизал, как льстец,
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!
Вскоре свыкся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
Чтоб прибрал отца.
Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас!
Я не вынес тяжкой раны,
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал.
Продав всё, что было можно
Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать.
Чтоб нажиться, лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел.
Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:
По картинке новомодной
Их я отпускал
И в цирюльню ежегодно
Косу продавал.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Вот теперь зато, под старость,
Есть немножко тут (показывая на карман),
Пусть приходят люди в ярость,
Говорят: он плут!
И за что ж бранить за это,
Мне отец сказал:
«Честь – фальшивая монета,
Плутни – капитал!»

И черт знает как нынче испортился свет! Молодые люди совсем перестали кутить; а который и кутнет – смотри год-другой, а на третий и образумится... и уж к тебе ни ногой! Благородные разные страсти у людей были: в картишки иной мотнет – па другой день, глядишь, жена с салопом к тебе и бежит! А нынче дрянь, суцая дрянь! Преферанс копеечный! грош проиграют, да после толков на рубль... и уж из благородных людей к нашему брату – почти никого... разве отставная кухарка к тебе с Песков какая-нибудь забежит... кофейку захочет выпить... притащит целый ворох тряпья: посмотреть много, а за всё-то десять копеек напросится.

Звонят.

Вот опять кого-то господь дает.

Явление 3
Лоскутков и Неизвестный господин.

Неизвестный входит и прямо обращает внимание на картину, останавливается и несколько минут стоит, как бы пораженный.

Лоскутков следит за каждым его движением.

Неизвестный (сам с собою). Превосходно! Восхитительно! Великий Микель Анжело! Узнаю твою чудотворную кисть!

Лоскутков (про себя). Что он говорит?.. Хвалит?.. (Потирает руки.) Эге! Эге! ге!

Неизвестный (одушевляясь). Современная живопись ничего не представляет, что бы могло сравниться с этим великим произведением – по чувству, но колориту, по глубокому знанию природы и человека. Великое, гениальное произведение, которому нет сравнения, нет цены!

Лоскутков (про себя). Нет цены!.. Господи! За что мне такое счастье!

Неизвестный (более и более одушевляясь). Несли б нашелся человек, который мог со временем подарить искусство подобным произведением, – миллионов мало бы для вознаграждения этого необыкновенного человека, этого гения...

Лоскутков (про себя). Милльон! Батюшки! он меня с ног сшибет!

Неизвестный (в совершенном восторге). На колени перед этим великим произведением искусства!.. На колени!.. О, если б я мог украсить им мою картинную галерею... всё мое состояние, плод многолетних трудов... на колени! (Падает на колени.)

Лоскутков. Всё состояние?.. На колени! (Падает на колени за неизвестным.)

Неизвестный (оглядывается и как бы выведенный из самозабвения). А, вы здесь?.. Вы хозяин этой картины?

Лоскутков (притворяясь растроганным). Пойдите, пойдите еще немного перед этим великим произведением... дайте и мне постоять... Я вот сейчас только вошел и прямо – бряк на колени... не могу выдержать: у меня уж такое чувствительное сердце.

Неизвестный (значительно). Вы сейчас только вошли?

Лоскутков. Я всегда, когда вхожу в эту комнату, – в это святилище, можно сказать, – тотчас становлюсь на колени, и, верите ли, слезы прошибают меня,

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru старика.

Неизвестный. Стало быть, вы ничего не слышали?

Лоскутков. Ничего.

Неизвестный. А я, знаете, уже с четверть часа вошел; смотрю и говорю себе: ничего особенного, картина как картина, и так, для шутки, упал на колени.

Лоскутков (в сторону). Ври! ври! голубчик! На дурака напал! (Громко, с иронией.) Да, конечно, если хотите, я и сам так только, по привычке, – а в картине в самом деле нет ничего особенного, просто, можно сказать, дрянь.

Неизвестный. И правда ваша – дрянь... никакого решительно достоинства.

Лоскутков (в сторону). Эк его! понес, нечего сказать, понес! (Громко.) Ни малейшего... так, для виду только; ну, знаете, всё лучше, как на стене что-нибудь висит.

Неизвестный. А что вы за нее возьмете? Я, признаться, люблю картины, даже дрянь покупаю... для меня была бы только картина.

Лоскутков (в сторону). Складно врет разбойник! (Вслух.) Я не подорожусь.

Неизвестный. А как?

Лоскутков. Да что долго-то толковать! Давайте сороктысяч бумажками.

Неизвестный. Почтеннейший! вы с ума спятили! да она больше тысячи рублей не стоит.

Лоскутков (вскрикивает). Тысячу рублей! (В сторону.) С первого раза тысячу рублей дает! да я бы тебе, дураку, за сто рублей вчера еще продал ее! (Вслух.) Нет, она, верите ли богу, мне самому в пятидесяти тысячах пришлось... десять тысяч только так уж сбавлю: ну, поистерлась немножко, и то, и другое...

Неизвестный. Возьмите тысячу рублей.

Лоскутков. И не подумаю... да пусть она лучше пропадет, сгниет; да я лучше детям ее оставляю... по крайней мере, благодарить будут. Дайте двадцать пять тысяч и господь с вами!

Неизвестный. Две тысячи!

Лоскутков. Нельзя, клянусь моим богом, нельзя, себе дороже стоит – посмотрите, работа отличнейшая; нерусский, я думаю, делал... где русскому так ухитриться!

Неизвестный. Ну как хотите. Прощайте! (Идет к двери.)

Лоскутков (в сторону, струсив). Батюшки! уйдет, ей-богу, уйдет! Вот тебе и две тысячи! (Вслух.) Послушайте, была не была – десять тысяч!

Неизвестный (в дверях). Четыре!

Лоскутков (жалобным голосом). Благодетель! не разорите! себе дороже стоит... положите хоть пять.

Неизвестный. Ну так и быть, пять. По рукам, вот задатку пятьсот рублей; вечером приду за картиной и остальные все привезу.

Лоскутков (прячет деньги, в сторону). Надул! (Громко.) Ну по рукам.

Неизвестный (в сторону). Надул! (Громко.) Только смотрите же: картина за мной... и не подменить... не то я вас по судам затаскаю... прощайте! (Уходит.)

явление 4

Лоскутков, потом Лиза.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Лоскутков. Господи! Бывает же такое счастье человеку! И за что? Висела на стене картина... черт знает какая... ни виду, ни великолепия... Вдруг приходит к тебе человек и так, ни с того ни с сего, дает тебе пять тысяч... Подлинно рука провидения... Жаль, что я сто тысяч не запросил; он бы, может, мне и двадцать вдруг отвалил...

Входит Лиза.

Дочь моя, обними меня! поцелуй своего родителя!.. Я счастливейший человек из смертных! Те башмаки, что не выкупила в срок Перетачкина, – так и быть, я тебе их дарю!

Лиза. Насилу-то вы образумились... спохватились, что нельзя же дочери вашей без башмаков ходить! Очень благодарю... Ну вот я сейчас их и надену... хочу идти к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну так я и знал! К Александре Григорьевне! Что у тебя за дружество с ней!.. и чего там, кажется, долго сидеть... пообедала, да и марш домой... Сплетни, пересуды. Она только, я думаю, и толкует: «Что у вас? как? да много ли?» А ты и распустишь язык... Ах, куда бы я рад был, кабы ты даже совсем не шаталась к Александре Григорьевне.

Лиза. Вот еще! Только одна родственница и есть, да еще бы и к той не ходить... Нет уж, как хотите, я сейчас оденусь и уйду, на весь день уйду, – мне, право, здесь с вами не очень-то весело – сухари глотать да слушать, как вы с своими гостями бранитесь...

Слышен звонок.

Вот кто-то уж и идет... ну я пойду собираться.

явление 5
Лоскутков и Издатель.

Лоскутков. Гости! Ну, слава богу! авось удастся кого-нибудь надуть! (Делает печальную рожу и идет отворить дверь.) Пожалуйте... Ох! ох! ох! плохие времена!

Издатель. Мое почтение, Потап Иваныч. Привезли...

Лоскутков. А! привезли! Ну, доброе дело! Так, стало быть, вы согласны взять по семи копеечек под экземпляр?

Издатель. Делать нечего! Нужда! Уж если бы не крайняя нужда, богом боюсь, меньше десяти копеек за экземпляр не взял бы... Сочинение превосходнейшее... известного автора... и должно в короткое время всё разойтись... А где прикажете свалить?

Лоскутков. А вот сюда... я укажу.

Издатель (в дверях). Ступайте сюда.

Входят два ломовых извозчика с тюками книг.

Что за издание! бумага отличнейшая, слог единственный и шрифт очень хорош...

Лоскутков. А вот я там рассмотрю... Эге, батюшка, да, никак, книжечки-то с виду жиденьки? А сколько тут счетом-то?

Издатель. Тысяча двести экземпляров.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Лоскутков. А сколько печаталось?

Издатель. Да столько же и печаталось.

Лоскутков. Ну, значит, не много ж разошлось!.. охота вам была бумагу переводить!.. Сюда... за мной... вот я их там пересчитаю да тотчас вам и денежки отвалю. (Скрывается в дверь направо, за ним уходят и извозчики с книгами.)

Издатель (махнув рукой). Благополучного пути!.. там им и сгнуть... слуга покорнейший, чтоб я стал выкупать... нет, много будет всякую дрянь выкупать! Капиталу не хватит! А ведь вот, в самом деле, я, дурак, думал, что бог знает какой капитал наживу... Беда с сочинителями связаться... первейшие плуты! Конечно, нельзя ума отнять: умеют надуть мастерски и всегда благородным манером каким-нибудь, не то чтобы он тебя среди улицы до рубашки раздел... нет, он к тебе нечувствительным образом подъедет... на деликатной ноге... и в объятия тебе бросится, и то, и другое... а на поверку-то, глядь, ограбил, разбойник, и последнюю нитку с тебя уж тащит... назавтра, глядь, у тебя уж и лавчонку заперли, и, глядишь, с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок... а он всё себе ничего, благородный человек, как и был, около другого уж мелким бесом увивается.

Наша книжная торговля
Так уж исстари идет:
Простачков невинных ловля –
Первый авторов доход!
В кабинете примут знатно
И сигарочку дадут,
И почтеннейшим печатно,
И умнейшим назовут;
С аккуратностью большою
Рассчитают барыши,
А издашь – махни рукою
И в подвалы положи!
Разорили и отстали –
Всякий с ним уже не тот!
Только деньги размотали –
Глядь, господь другого шлет!
С ним опять развязка та же...
Я и сам богат бывал,
Жил когда-то в бельэтаже,
Всех морочил, надувал;
Драл с живых и с мертвых шкуру,
Не боялся никого,
А попал в литературу,
И надули самого.
Здесь хватило б и для внуков,
Да сто книжек издал в год,
И теперь карман мой звуков
Никаких не издает!
Такая уж литература. Вот и я, как есть нечего будет, начну сам сочинять, отличным литератором буду... (Входящему Лоскуткову.) Ну что, батюшка, сосчитали?

Лоскутков. Сосчитал... Ровно тысячу сто девяносто две книжки... Теперь остается еще одно...

Издатель. Теперь остается только денежки получить – и дело с концом... только вы уж, пожалуйста, Потаи Иваныч... надеюсь, ни мышь, ни какая другая гадина... Поверите ли, такое сочинение, что стоило бы за стеклом держать.

Лоскутков. Мыши! Не беспокойтесь! Чего другого, а мышей у меня и в заводе нет! Ну так. (Берет счеты.) Тысячу сто девяносто две книжки... тысячу сто девяносто две копейки... раз...

Звонок.

А, видно, еще бог гостя дает. (Отворяет дверь.)

явление 6
Те же и Краснохвостов.

Краснохвостов (из-за двери). Дома ли Лоскутков?

Лоскутков. Дома. (Вводит незнакомого господина.) Сделайте одолжение, потрудитесь несколько обождать... Я вот сию минуту... Ну так: тысячу сто девяносто две копейки – раз...

Краснохвостов (выходит вперед и рассуждает сам с собою). Шельма должен быть! А есть удивительно хочется. Что бы такое ему заложить?

Лоскутков (в стороне). Тысячу сто девяносто две копейки – три.

Краснохвостов. Когда заиграешься в карты, теряешь совсем аппетит... а проиграешься – тотчас захочется... глупая вещь!.. Обыграли, разбойники... а ведь наверняка... уж верно наверняка... я, правда, на руки пристально смотрел... да, видно, он какую-нибудь особенную штуку знает... дурак я... мне бы им закричать: подлецы вы, мошенники! может быть, который бы оплеуху дал... ну, тут бы...

Лоскутков. Прощайте.

Издатель. До свидания, почтеннейший!

Лоскутков. Всех благ жизни... (Провожает его.)

Издатель уходит.

Краснохвостов. Что бы такое ему заложить? (Рассматривая фуляр.) Хороший фуляр...

Лоскутков. Что вам угодно-с?

Краснохвостов (мрачно). Денег.

Лоскутков. Ох деньги! деньги! Что это нынче за свет! Кого ни спроси – всякий говорит, нужно денег... а куда как денежки солоно достаются... Вот и у меня, верите ли богу, денег совсем нет.

Краснохвостов. Мне только закусить... так чтоб было что-нибудь закусить... я вот вчера на прекраснейшем ужине был... черт знает, совсем есть не хотелось.

Лоскутков (свищет). Так-с.

Краснохвостов. Вот этот фуляр... французской, должно быть, работы, посмотрите, как хорошо сделан.

Лоскутков. Хорошо сделан... отлично сделан...

Краснохвостов. Ну вот, вижу, вы знаете толк в художествах. Приятно иметь дело с умным человеком, – так фуляр вам нравится? Хотите, чтоб он был ваш?

Лоскутков. То есть как? Вы хотите его мне... вечно буду благодарен вам за такой приятный подарок.

Краснохвостов. Пожалуй, если вы хотите... я вам его и подарю... Только... только, знаете, я не много ем, пустяки, крошечку – вот я уж и сыт... вы мне что-нибудь... чтобы так, знаете, можно было... немножко хоть закусить.

Лоскутков. Понимаю... отчего же? Можно и так... полтину серебра, если вам угодно.

Краснохвостов. Помилуйте... да у Леграна на полтину только зубы разлакомишь... вы бы еще два двугривенных!

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Звонят. Лоскутков бежит отворить.

Мало, бестия, дает... хоть бы целковый. (Осматривает себя с ног до головы.) Хорошо бы шинель – и порядочные бы деньги можно взять... да холодно... черт возьми! И в ней-то до костей пробирает! черт знает, было всё тепло – вдруг морозы! Бывает же несчастье! подлинно, судьба всегда человеку наперекор.

явление 7

Те же и Акулина Степановна.

Лоскутков (во время монолога Краснохвостова разговаривал с ней вполголоса, отходит от нее, говоря). Хорошо-с; ваш салоп сейчас будет-с. (Краснохвостову.) Ну-с?

Краснохвостов. Так вы ничего больше полтины не можете дать?

Лоскутков. Рад бы душой... да что делать... ей-ей, не могу-с! и то беру только так... на свой страх.

Краснохвостов. Ну, давайте деньги... только знаете, еще бы что-нибудь... мне совсем мало... вот если б вы... послушайте. (Замечает, что Лоскутков старается потихоньку развязать узелок.) Это вздор... Я так, для памяти завязал. (Акулине Степановне.) А холодно на дворе?

Акулина Степановна. Вестимо, не лето... Я и теперь не могу отогреться... зуб с зубом свести... уж такой мороз десять лет не запомнят. Что, батюшка, салопчик-от уж не спровадил ли куда-нибудь?

Лоскутков. Сейчас.

Акулина Степановна. То-то же! знаю я вашу братью! умеете и в прокат отдавать... и в ломбард закладывать.

Краснохвостов (рассуждая сам с собою). А будет оттепель, непременно будет... уж в Петербурге такая погода... самая непостоянная погода. (Снимает шинель и остается в летних брюках.) Да и брюки-то на мне летние... послушайте, почтеннейший...

Лоскутков. Не могу найти... погоди, вот уж кончу с ними... тогда отыщу.

Краснохвостов. А что вы положите под шинель?

Лоскутков (с изумлением). Под шинель? Вы хотите?

Краснохвостов. Что вы так на меня смотрите? у меня кровь горячая... я ведь того... огонь... просто огонь... даже в декабре месяце мороженое ем... вот я даже шкаф прошлую зиму хотел запирать – обливаться... и что шинель? Только сверху защита, а ведь и под шинель поддувает.

Лоскутков (рассматривая шинель). Целковых десять, пожалуй, можно дать.

Краснохвостов. Десять целковых! Мало, ей-богу, мало! Рублей хоть пятьдесят положите.

Лоскутков. Не могу-с; десять, если угодно.

Краснохвостов (подумав). Ну, давайте десять... мне же легче будет выкупить.

Лоскутков (записывает что-то в большую книгу и потом отдает деньги). Коли не выкупите через месяц... уж не прогневайтесь.

Краснохвостов. На днях же приду (ловко расшаркивается), непременно приду.

Акулина Степановна. Коли не замерзнешь!

Краснохвостов. Только, знаете, вы уж, пожалуйста, никому... (Уходит напевая.)

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
А мой удел – сердечный холод
И безнадежная любовь.

Лоскутков. Очень порядочная шинель... рублей шестьдесят стоит... ай-ай-ай! да ведь подкладка-то дырявая... карман... а! (Шарит в кармане.) Ничего... хоть бы грош какой-нибудь был.

Акулина Степановна. Ну, полно! уж захотел у этого фуфлыжника, прости господи, что-нибудь в кармане найти! Давай же салопишко-то...

Лоскутков. Сейчас.

Явление 8

Лоскутков, Акулина Степановна и Лиза.

Лиза (входит в салопе и шляпке). Ну, папенька, я совсем готова, иду к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну бог с тобой, матушка! Только не засиживайся, пожалуйста. Помни, что у тебя есть отец...

Акулина Степановна (бросаясь за уходящей Лизой). На-тко! вона какой грех!.. Господи! Мать пресвятая богородица!.. Постой, плут ты, разбойник... душа бусурманская, картофельная... в чужие салопы дочку рядить... вишь, собралась гулять... и горя нет, что салоп-от чужой... мошенник! душегубец! (Тащит салоп.) Снимай-ка! снимай, голубушка!

Лоскутков. Не снимай! (Старухе.) Деньги!

Акулина Степановна. Вот тебе, разбойник, твои окаянные деньги! (Бросает ему деньги.) Дочь в мой салоп нарядил... дышло ты окаянное!

Лоскутков. А что же? неужто мне из-за своих денег да еще на салопы тратиться? (Берет салоп и отдает ей.) Уж приди когда опять... вдвое сдери!

Акулина Степановна. Не приду! нога моя не будет у тебя; по всему околотку расславлю разбойника! механик ты этакой! (Уходит.)

Явление 9

Лоскутков и Лиза (плачущая).

Лоскутков. Вот уж подлинно баба глупая! Как будто что-нибудь делается салопу! (Лизе.) Ну а ты уж вот и расхныкалась... неприлично... ей-богу, неприлично... Вот завтра, а может быть, и сегодня еще кто-нибудь салоп принесет... ну тогда и пойдешь к Александре Григорьевне.

Лиза. Да я сегодня обещала прийти!.. стыдно вам! у родной вашей дочери салопишка нет... да не только салоп... платьишка даже нет!.. всё должна в чужих обносках ходить... идешь да боишься: опять, того и гляди, случится, как в прошлом году... Привязался ко мне на улице какой-то господин... «Где ты, голубушка, этот салоп взяла? Это, говорит, салоп моей жены...» – да чуть меня в полицию не потащил... Срам с вами! Вы хуже жида, папенька, уж всякий скажет, что вы хуже жида... Недаром она вас разбойником обругала... уж точно, настоящий разбойник! Вот я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей. Уж нечего сказать, вы настоящий Мефистофель!

Лоскутков. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась? дура сморозила, а ты и повторяешь: разбойник! У разбойника и руки в крови, и рожа так смотрит... да еще Мефистофеля какого-то тут приплела!

стыдно родителя звать Мефистофелем, –
я тебя нянчил, кормил...
Лиза.

Тухлой салакушкой, мерзлым картофелем...
Лоскутков.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Свежей водою поил.
Можешь рядиться ты в платья блестящие
С барынь богатых, больших.
Лиза.

Лучше б одно, да свое, настоящее,
Чем два десятка чужих!
Платья все выкупить могут решительно –
Пусто вдруг станет в шкафах,
И я останусь... подумать мучительно!
В чем же? В одних башмаках!
Лоскутков.

Что ж тут стыдиться-то? таять в истерике,
Выть из таких пустяков? –
Дикие, слышал я, ходят в Америке
Даже и без башмаков!
Ну, полно хныкать-то... хочешь непременно идти, так иди; я тебя не удерживаю.

Лиза. Да в чем я пойду?

Лоскутков (накидывая на нее шинель). А вот... что тут за церемонии... некрасиво, да тепло.

Лиза. Подите вы! еще бы вы в салоп нарядились, да по Невскому прогулялись.

Лоскутков. И наряжусь, ей-богу, наряжусь... Вот только ни одной шинели не будет... покупать не стану... Раз, помню, со мной и случилось... да не то чтобы из каких-нибудь пустяков, шинели или там сюртука... а то казус пренеприятный! вот я поскорей шинель в рукава... подпоясался поплотней... да так целые три недельки и выходил... даже в гостях несколько раз был... Ну, знакомый человек обедать зовет... жаль отказаться... «Что, – говорит, – ты, Потап Иваныч, в шинели?» – Да обет, – говорю, – дал не снимать шесть недель, – ношу вместо траура... а у меня, кстати, тогда только что жена умерла, – «Хорошее дело, – говорит, – обеты надобно исполнять». Вот так-то!.. век живи, век учишься!.. а то расхныкалась... Чем хуже шинель? (Надевает и с важностью прохаживается.)

Слышен звонок.

А, кого-то еще бог дает... ну, марш в свою комнату.

явление 10
Лоскутков и Ростомыхов.

Ростомыхов. Здравствуйтесь, почтеннейший... читал я в газетах, у вас, говорят, продается картина с изображением трех собак, двух свиней, барана и человека в черкесской шапке, – мне, признаться, и свиньи ваши, и человек, и бараны – наплевать!.. А вот собаки меня интересуют – я собак чрезвычайно люблю; даже, могу вам сказать, уважаю. Собака – это превосходнейшее произведение природы; лучше человека... человек – тунядец, свинья, с позволения сказать, разные мерзости делает, обкрадывает господ, а собака, – поверите ли, почтеннейший, – я сам жалею, что не родился собакой... а? лучше бы... а? да говорите же, почтеннейший! (Довольно сильно толкает его в плечо.)

Лоскутков (струсив). Совершенная правда... я даже сам чувствовал иногда желание превратиться в собаку... собаке и платья никакой не надо, и квартиры может не нанимать, и даром ее добрый человек покормит... совершенная ваша правда... бедному человеку гораздо выгоднее родиться собакой.

Ростомыхов. То-то же, мой почтенный! Да будь вы собакой, я же за вас рублей бы пятьдесят, а может, и сотню дал... а теперь, по правде сказать, гроша не дам! Ха-ха-ха! Ей-богу, медного гроша не дам... Что вы так сморщились и сычом на меня смотрите... – а?

Лоскутков. Ничего-с, удивляюсь вашему красноречию, глубокомыслию, так сказать...

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Ростомахов. Напрасно, почтеннейший... ничего не получите... Я за такую дрянь не плачу... а вот картину, пожалуй, куплю, если собаки хорошо сделаны... Ну что ж, продадите?

Лоскутков. К крайнему моему сожалению, не могу-с... уж продана.

Ростомахов. А, ну, продана? нечего и толковать... жаль! Я люблю картины, где этак изображают собак... у меня, я вам скажу... пропасть таких картин... даже живописца нанимаю... чуть отличится собака какая-нибудь, тотчас с нее портрет!.. десять тысяч ему в год плачу!

Лоскутков (в сторону). Десять тысяч!

Ростомахов. Чудесно делает, бестия, собак... просто собаку съел... у меня четыре комнаты увешаны собаками его работы... богатейшая галерея... слышите ли вы, черт вас возьми! (Хлопает его по плечу.) Восемьсот картин – и на всех собаки одна другой лучше... даже один кобель с желтыми подпалинами так сделан, что я в натуре лучше никогда не встречал... двухсот тысяч за него не возьму!..

Лоскутков (в сторону). Двухсот тысяч! У! какой туз!

Ростомахов.

Уж, как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом – большая псарня,
И я сам – отличный псарь!

Широки мои владенья –
У меня с давнишних пор
Десять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор!

Дорога моя забава –
Да зато и веселит, –
Об моей охоте слава
По губернии гремит!

Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом подерет
И ушами, как китаец,
Хлопать в ужасе начнет,
Тут последняя копейка

Мне не стоит пустяка,
Только б Сокол или Змейка
Подхватили русака!

Лучшим псам и стол особый,
А отличных так люблю,
Что рядом с своей особой
И с женой своей кормлю!

Уж, как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом – большая псарня,
И я сам – отличный псарь!

Слышите ли вы, черт вас возьми! а? Вот, не хотите ли, я вам расскажу, как мы охотимся... собаки лают... гам... гам... гам... на все голоса... охотники кричат: го-го-го-го!.. трубят в рога... брррр! И вдруг заяц летит на чистое поле... Ату его, ату!.. Слышите ли вы, черт вас возьми? ну да, я вижу, вы – дрянь!.. совсем не имеете страсти к охоте... Прощайте! (Идет и останавливается перед картиной.) Эту картину вы продавали?

Лоскутков. Она самая.

Ростомахов (сам с собою). Я таких собак сроду не видывал... живые, просто живые; надо их непременно в мою свору... в мою галерею... Ха-ха-ха! (Лоскуткову.) Вы мне непременно должны этих собак продать.

Лоскутков. Не могу-с. Я уже имел вам счастье докладывать, что эта картина продана.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Ростомахов. Продана! Ну так вы мне вырежьте одних только собак, а картина
останется у вас, я вам за собак хорошие деньги дам.

Лоскутков. Нельзя-с.

Ростомахов. Можно... слышите ли вы, можно, черт вас возьми! я без этих собак от
вас не уйду!

Лоскутков. Как угодно-с... а я уж и задаток получил... Вот уж скоро за ней пришлют.

Ростомахов. А вы не отдавайте... задаток можете возвратить. Я пяти тысяч не
пожалю.

Лоскутков. Пять тысяч! Да я за восемь ее продал.

Ростомахов. Ну так я вам шестнадцать дам.

Лоскутков (сам с собою). Батюшки! Что я наделал! шестнадцать тысяч! А я за пять
продал!.. он меня ограбил... он меня разорил! (Ростомахову.) Вы, верно, изволите
шутить?

Ростомахов. Убирайтесь вы к черту с шутками!.. Я, мой почтеннейший, шутить не
люблю!.. Стану я с вашей братьей шутить... вот вам и задаток тысяча пятьсот рублей
ассигнациями, – остальные четырнадцать тысяч пятьсот рублей сейчас привезу и
картину возьму. Ну?

Лоскутков (в сильном волнении). Батюшки! Что тут делать?.., не возьмишь – пять
тысяч потеряешь; возьмишь – тот, чего доброго, пожалуй, в полицию тебя на
старости потащит... процесс затеет с тобой... Никогда еще такой оказии со мной не
случалось, деньги к тебе в руки сами идут, а взять боишься.

Ростомахов. Ну?..

Лоскутков (сам с собой). Если бы хоть мне прежде с тем увидаться, можно бы
как-нибудь его надуть... задаток возвратить... прибавить ему что-нибудь.

Ростомахов. Ну что же вы, черт вас возьми... берете, что ли, деньги-то?.., а не то
прощайте!

Лоскутков (кидаясь за ним). А! была не была! Извольте... уж нечего делать... решаюсь
для вас... только вы уж пожалейте меня... ведь он может меня избить, в полицию
отправить... прибавьте хоть целковичек.

Ростомахов. Ну черт с вами! прибавлю хоть десять! вот задаток... Запишите мою
фамилию: Савастьян Григорьев Ростомахов-Широколов, отставной прапорщик,
жительствоваю временно у Демута, номер четыреста пятьдесят девятый. Прощайте.

Лоскутков. Всех благ жизни

явление 11

Лоскутков (один). Ай да картина! батюшки-светы! вот не ожидал такого счастья!..
да я корюшки, да я икры с радости сегодня поем, – уж что себе жиденький тот
художничек ни толкуй, я картины ему не отдам... задаток назад, да и только... уж
хоть и поколотит, куда ни шла!.. за такую сумму можно побой снести... Ну, я
сегодня точно пьян напился... удивительную радость чувствую на душе – как будто
меня вдруг в статские советники пожаловали или этак купец Савастьянов, что
заложил у меня сорок тысяч пудов сургучу, скоропостижно скончался... Вот оно,
счастье-то! Не ожидал, не гадал, и вдруг, ни с того ни с сего, шестнадцать тысяч
к тебе в карман.

Звонят.

Вот опять кто-то идет, – право, даже уж не хочется сегодня и принимать!

явление 12

Лоскутков и Подзатыльников.

Подзатыльников. А, честная душа на костылях!

Лоскутков. А! Ермолай Иваныч! Ермолай Иваныч! (Целует его.) Голубчик! Сколько лет, сколько зим не видались!.. Откуда бог принес?

Подзатыльников. Ездил на побывку в свое место.

Лоскутков. В свое место? Ну, слава богу! Слава богу!.. Домашние здоровы ли?

Подзатыльников. Живут, пока мыши головы не отъели-с.

Лоскутков. Ха-ха-ха! Всё такой же шутник!

Подзатыльников. Я ведь к тебе, Потап Иваныч, за делом.

Лоскутков. Знаю, знаю, уж тебя без дела не заманишь... ведь нет чтобы когда-нибудь зашел этак посидеть, покалякать да выпить бутылочку винца.

Подзатыльников. Так что же-с? мы от евтого и теперь не прочь.

Лоскутков. То-то вот и есть, что теперь вина-то дома нет, а посылать некого. А вот что: ты закусить не хочешь ли?

Подзатыльников. От хлеба-соли николи не отказываюсь.

Лоскутков. Вот и хорошо. Ты ведь икорку свежую любишь?

Подзатыльников. Как же-с.

Лоскутков. Ну а сижка копченого?

Подзатыльников. Наша невестка всё трескает.

Лоскутков. Так приходи на будущей неделе.

Подзатыльников. Чего-с?

Лоскутков. Приходи на будущей неделе, угощу! У меня занимает деньги рыбак из Никольского рынка, так хотел прислать на пробу и сига и икры.

Подзатыльников (кланяясь). Оченно много милостей, уконтентован по самую макушку-с! А что, Потап Иваныч, пил ли ты хоть чай?

Лоскутков. Чай? Эк хватился! Еще вчера утром пил; впрочем, если хочешь, пожалуй, напьемся, только мне бы не хотелось тебя разорять, ведь, я думаю, в дороге деньжонками-то поиздержался?

Подзатыльников. Да, таки нечего таить, есть тот грешок!

Лоскутков. Я знаю, что уж без этого нельзя.

Подзатыльников. За этим-то больше я и к тебе завернул: будь друг, ссуди меня бабочками.

Лоскутков. Как-с?

Подзатыльников. Дай взаймы.

Лоскутков. Взаймы. (Оглядывает его.) Гм!

Подзатыльников. А я, как только определяюсь к хозяину, так и отдам тебе с моим почтением.

Лоскутков. Хорошо, хорошо... только ведь вот беда, денег-то у меня теперь нет.

Подзатыльников. Полно, Потап Иваныч! у кого ж и деньгам быть, коли не у тебя?

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Лоскутков. Право нет! то есть они и есть, да не свои. Один приятель пускает их через меня в проценты; да такой жид, что не велел брать меньше, как капитал на капитал.

Подзатыльников (в сторону). Мошенник! (Ему.) Потап иваныч! Побойся бога! вспомни хоть мою прежнюю хлеб-соль.

Лоскутков. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Да и какую же я от тебя видел хлеб-соль?

Подзатыльников. Как! Еще тебе мало? Да ты припомни только, что я в прошлом году хозяйскую-то лавку чуть-чуть не всю к тебе перетаскал.

Лоскутков. Великая важность! А зато что за товар ты приносил? Вон гроднаплю-то два куса и до сих пор с рук нейдут, а уж, кажется, как дешево, по пяти с полтиной отдаю.

Подзатыльников. Ты бы еще заломил по десяти! он и в Гостином-то по целковому продается.

Лоскутков. А! то-то же и есть! А ты с меня почему брал?

Подзатыльников. По полтора рубли!

Лоскутков. Нет, извини, голубчик! по рублю по пятидесяти по две копейки. Впрочем, об этом толковать нечего; ты в нужде, а я, как добрый христианин, обязан помогать ближнему. Говори, сколько тебе надобно?

Подзатыльников. Да мне бы покуле хошь рублей пятьдесят ассигнациями.

Лоскутков. Пятьдесят... (Оглядывает его и не видя никакого заклада.) Да как же, разве уж у тебя ничего и нет?

Подзатыльников. То-то, что ничего.

Лоскутков. Да... (Подходит и рассматривает надетую на нем шубу.) Ну а на эту штуку нельзя дать пятидесяти рублей, потому мех-то уж повитерся, вон назади-то какие лысинки видны.

Подзатыльников (смотрит на него с удивлением). Да кто ж тебе сказал, что я прошу у тебя под шубу?

Лоскутков. А! Так у тебя есть что-нибудь другое?

Подзатыльников. Ничего у меня нет; я думал, что ты, по старой памяти, дашь без заклада.

Лоскутков (с испугом). Без заклада? Господи, твоя воля! Ведь есть же этикие разбойники! хотят взять деньги в долг и без заклада, да это денной грабеж! Кровопийца! Что ты, головы моей ищешь, что ли?

Подзатыльников. Так, видно, от тебя, как от козла, ни шерсти, ни молока не дождешься. Прощай! Обирало Аспидыч!

Лоскутков. Прощай, прощай, голубчик!

Подзатыльников. С чертом бы тебе только и знаться! (Уходит.)

Лоскутков. Ну, ладно, ладно. Смотри же, чай за тобой.

явление 13

Лоскутков и Незнакомый господин.

Незнакомый. Вот и я... извините, что немножко замешкался. Зато теперь мы в минуту кончим... деньги я вам сполна привез, у подъезда ждут двое моих людей, чтоб взять картину. Я сейчас позову.

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru

Лоскутков (делает печальную рожу и останавливает его). Не зовите.

Неизвестный. Что такое?

Лоскутков. Не прикажите казнить – выслушайте. Будьте отцом и благодетелем... имейте сострадание к несчастному.

Неизвестный. Что вы хотите сказать?

Лоскутков. Я бедный человек... у меня часто за обедом не только говядины, куска хлеба не бывает... Что делать – нужда! Дочь моя, прелестнейшая девушка, смею сказать, ходит в старых родительских сапогах и страдает губной болью от мерзлого картофеля... Всё утешение наше составляла эта картина, это великое произведение искусства, как вы изволите говорить... Поверите ли? мы так привыкли к ней, что делили с ней горести, нам с ней даже весенняя корюшка казалась вкуснее... дочь моя часто просиживала перед ней по целым часам. Я сам, как изволите видеть, на колени перед ней становился... Вдруг черт попутал меня, подлинно уж, видно, так судьбе было угодно... вздумалось картину продать, в надежде хоть сколько-нибудь поправить бедственное свое положение... вот и изволили вы сторговать и задатку пожаловали... как узнала дочь моя, что картину от нас возьмут, тотчас в слезы, и вот теперь она лежит уж больная, на одре страдания, может быть, умрет от печали... Сам я сначала ничего, а как подумал, что сегодня нам с картиной придется расставаться навеки, так меня, старика, за сердце и ущипнуло... благодетель, отец родной... не погубите... оставьте нам картину, наше единственное сокровище... возьмите задаток назад.

Неизвестный. Вы, почтеннейший, затеяли вздор... я картину купил у вас... Вот остальные деньги, и картину сейчас возьму. (Идет к двери.)

Лоскутков. Умилосердитесь! возвратите к жизни единственную дочь мою!

Неизвестный. Э! пустяки! Берите деньги!

Лоскутков. Не погубите! (Падает на колени.) Я вам десять лет без процентов буду в долг деньги давать... Я вам не только пятьсот рублей ваши назад отдам. Я вам еще пятьсот прибавлю своих.

Неизвестный. Э! полноте комедию-то разыгрывать... отстаньте. Вот я сейчас велю брать картину. (Идет к двери.)

Лоскутков (вставая и кидаясь за ним). Так нет же! Я не отдам картину! не отдам... что хотите со мной делайте... убейте меня! зарежьте!.. Я картину свою вам не отдам!

Неизвестный. Что такое? Не отдадите? Да разве вы забыли, что вы ее мне уж продали и получили задаток... Это низко... знаете, как за такие поступки учат вашего брата?

Лоскутков. Что вы говорите, что? Вы мне пощечину хотите дать... Бейте!.. Тогда вы от меня не отделаетесь!.. бесчестье взыщу!

Неизвестный. Какая низость!

Лоскутков. Что ж делать? Я человек небогатый! Бедному человеку надо же каким-нибудь образом хлеб доставать.

Пощечина людей позорит,
Так думал в старину народ,
А в наши дни – никто не спорит –
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтенным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом.
Да вдруг столкнулся с богачом,
Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Сто тысяч взял на мировую.

И вдруг попал в почет и в честь,
Все, кто и ведал и не ведал,
К нему с почтением тотчас,
И даже там вчера обедал

Кой-кто, мне кажется, из вас.
И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье затевать:

Боль усмирить в щеке нетрудно, –
Сто тысяч мудрено достать,

А с ними проживешь так чудно,
Не встретишь горя целый век.

Не сто, пожалуйста пять тысяч –

Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

Неизвестный. Всё это очень хорошо, а картину-то я всё-таки у вас купил и сейчас возьму.

Лоскутков. Благодетель! отступитесь! Именем дочери моей умоляю вас... отступитесь... я вам сверх задатку тысячу рублей дам.

Неизвестный. Тысячу рублей!.. Да я сейчас пять тысяч барыша получу... только стоит свезти да показать...

Лоскутков. Оставьте у меня... я вам, так и быть, две тысячи дам.

Неизвестный. Пять тысяч.

Лоскутков. Пять тысяч! Да у меня сроду столько денег не бывало.

Неизвестный. Ну как хотите. Эй!

Лоскутков. Три тысячи дам.

Неизвестный. Четыре.

Лоскутков (в сторону). Что тут делать?.., четыре тысячи дам, ну всё-таки не буду в убытке. (Громко.) Будьте благодетелем несчастного, возьмите три тысячи с половиной.

Неизвестный. Ничего меньше!

Лоскутков. Ну так и быть, извольте, – завтра придется с кошельком идти, да, но крайней мере, картина будет с нами, и дочь моя будет спасена... у меня уж сердце такое чувствительное: всё для дочери. (Идет к шкафу.)

Неизвестный (в сторону). Ну, что-то будет! Дело, кажется, хорошо обделалось.

Лоскутков. Вот пятьсот рублей ваши, а вот еще четыре тысячи. Сжальтесь над разоренными... дайте хоть пять рублей... выпью с горя и... пропадай мои денежки.

Неизвестный. Ну бог с вами! вот вам десять рублей... помните же меня... Прощайте... (Уходит)

Лоскутков. Всех благ жизни!

Явление 14

Лоскутков и потом Слуга.

Лоскутков. Слава богу! Отделался! И не так чтоб очень дорого... (Берет счета.) С первого получил задатку пятьсот рублей – пятьсот, со второго тысячу пятьсот – тысяча пятьсот – две тысячи... отдал четыре – две своих приложил... значит, картина пойдет за четырнадцать тысяч рублей!.. Хорошо! очень хорошо! Ха-ха-ха! Вот дураков надул! Ха-ха-ха! (Подходит к картине и продолжает хохотать.) Ну думал ли я когда, чтобы за эту дрянь дали мне четырнадцать тысяч рублей!.. и что тут хорошего? пятака бы не дал... ей-богу, не дал бы пятака... еще баран сделан туда и сюда... а уж свиньи ни на что не похожи... настоящие свиньи. А собаки-то как

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru смотрят, собаки-то... Точно хотят сказать: «Прощайте, Потап Иваныч! подарили мы вам четырнадцать тысяч рублей!» Ха-ха-ха! Ну спасибо, спасибо, собачонки!.. вот я вас косточками покормлю! Ха-ха-ха! Служите хорошенько своему новому господину... Спасибо... Недаром я перед вами на коленях стоял...

Звонят.

Ну вот, видно, уж и идут... (Обращаясь к картине, иронически.) Жалко мне расстаться с тобой, великое произведение искусства... куда как жалко... (Отпирает дверь.)

Слуга (входит с письмом.) От помещика Савастьяна Григорьевича Ростомахова.

Лоскутков. За картиной?

Слуга. А вот письмо-с.

Лоскутков. Больше ничего-с?

Слуга. Ничего. (Уходит.)

Лоскутков (читает). «Милостивый государь! нахожусь вынужденным уведомить вас, что картина, которую я у вас сторговал, оказывается мне не нужна...» Что?... Что?... Не нужна? Не может быть!.. А задаток-то? (Читает.) «И потому, милостивый государь, предоставляя данный мною задаток в вашу пользу, прошу меня за оную с остальными деньгами не ожидать. Помещик Савастьян Григорьев, сын Ростомахов». Не надо? ему не надо картину? Он отказывается от задатка?... А, я знаю, что делать!.. я утоплюсь! я повешусь!.. Вот люди! вот честь человеческая! Верь после того добродетели!.. Веревку! Веревку!

Явление 15

Лоскутков и Лиза (вбегает в испуге).

Лиза. Что с вами, папенька? Вы кричите, как сапожник, что живет против нас...

Лоскутков. Дочь моя! У тебя нет более отца!.. Я не отец тебе! Сапожник... точно, сапожник... Я дурак!.. я нищий!.. Были у меня деньги, дочь моя... были в руках... а теперь я разорен... ограблен!.. Я сойду с ума... теперь я глупее осла... беднее почтовой лошади... Прощай, дочь моя... я знаю, что мне делать! (Быстро убегает.)

Лиза (одна). Что с ним сделалось? Он в самом деле ужасно встревожен... Я тут ничего не понимаю!

Явление 16

Лиза и Налимов.

Налимов. А! Лизавета Потаповна! Как вы можете? Позвольте поцеловать вашу ручку... отчего вы так встревожены?

Лиза. Что сделалось с папенькой? Он всё кричал: я разорен, разорен! – рвал на себе волосы и теперь убежал, такой страшный!

Налимов. Ничего, не бойтесь... Это не то чтобы к худу... Это просто к радости.

Лиза. К радости? Что вы говорите?

Налимов. А то, что все препятствия к нашему бракосочетанию, Лизавета Потаповна, уничтожены.

Лиза. Разве вы достали денег?

Налимов. В том-то и дело, что достал... Однако и; где же ваш папенька?.., как бы он с собой не сделал чего-нибудь с отчаяния... немудрено! (Быстро уходит.)

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru
Лиза. У папеньки пропали деньги... Иван Федорыч достал денег... Я всё-таки ничего тут не понимаю... А сердцу что-то так весело... если Иван Федорыч в самом деле достал денег, папенька сейчас же согласится выдать меня за него! То-то будет весело!.. Наконец-то я уйду из этого проклятого дома, где мне было так скучно. Чудесно! чудесно! Нашью себе разных обнов, башмаков, салоп на лисьей меху... поеду с мужем на бал...

Явление последнее
Лиза, Лоскутков и Налимов.

Налимов (ведет под руку Лоскуткова, бледного и посинелого). Ну, Лизавета Потаповна! Еще б минуточку – и быть бы вам сиротой!.. Так вот какая оказия случилась с вами, почтеннейший Потап Иваныч... и на много они вас таким образом надули, мошенники?

Лоскутков. На две тысячи... моих кровных трудовых денег отняли две тысячи!.. Ах, зачем вы помешали моему намерению?.. Я не хочу жить! Не хочу! Две тысячи!.. возвратите мне мои две тысячи, или я не хочу жить!

Налимов. Усиокойтесь, почтеннейший Потап Иваныч... вас надули на две тысячи... вам всё равно с кого бы их ни взять, только бы возвратить. Согласитесь выдать за меня Лизавету Потаповну – и я вам сейчас дам две тысячи.

Лоскутков. Благодетель! Вы меня воскрешаете! Дочь моя! ты жена этого великодушного человека... давайте же две тысячи... (Берет деньги.)

Налимов. Соедините же нас, Потап Иванович.

Лоскутков. Сейчас, сейчас! Дайте только мне сосчитать... Так... (Соединяет их руки.) Будьте счастливы, дети мои... Живите мирно и не забывайте своего отца!

Лиза и Налимов. Добрый папенька!

Лоскутков (разнеживаясь). Добрые дети! Иван Федорович, я не скуп, видит бог, я не скуп... Эта картина была причиной вашего счастья... возьмите ее: я отдаю ее за Лизой в приданое... Я не так скуп, как вы думаете...

Налимов. Ну, слава богу! Теперь мы вполне счастливы.

Лоскутков. И я счастлив, дети мои... А всё же мне хотелось бы узнать мошенников, которые меня так знатно надули.

Налимов. Ну, это я, может быть, вам скажу после нашей свадьбы.

Комментарии

Н. А. Некрасов никогда не включал свои драматические произведения в собрания сочинений. Мало того, они в большинстве, случаев вообще не печатались при его жизни. Из шестнадцати законченных пьес лишь семь были опубликованы самим автором; прочие остались в рукописях или списках и увидели свет преимущественно только в советское время.

Как известно, Некрасов очень сурово относился к своему раннему творчеству, о чем свидетельствуют его автобиографические записи. Но если о прозе и рецензиях Некрасов все же вспоминал, то о драматургии в его автобиографических записках нет ни строки: очевидно, он не считал ее достойной даже упоминания. Однако нельзя недооценивать значения драматургии Некрасова в эволюции его творчества.

В 1841–1843 гг. Некрасов активно выступает как театральный рецензент (см.: наст. изд., т. XI).

Уже в первых статьях и рецензиях достаточно отчетливо проявились симпатии и антипатии молодого автора. Он высмеивает, например (и чем дальше, тем все последовательнее и резче), реакционное охранительное направление в драматургии, литераторов болгаринского лагеря и – в особенности – самого Ф. В. Булгарина. Постоянный иронический тон театральных рецензий и обзоров Некрасова вполне объясним. Репертуарный уровень русской сцены 1840-х гг. в целом был низким. Редкие постановки «Горя от ума» и «Ревизора» не меняли положения. Основное место

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru на сцене занимал пустой развлекательный водевиль, вызывавший резко критические отзывы еще у Гоголя и Белинского. Некрасов не отрицал водевиля как жанра. Он сам, высмеивая ремесленные поделки, в эти же годы выступал как водевильист, предпринимая попытки изменить до известной степени жанр, создать новый водевиль, который соединял бы традиционную легкость, остроумные куплеты, забавный запутанный сюжет с более острым общественно-социальным содержанием.

Первым значительным драматургическим произведением Некрасова было «Утро в редакции. Водевильные сцены из журнальной жизни» (1841). Эта пьеса решительно отличается от его так называемых «детских водевилей». Тема высокого назначения печати, общественного долга журналиста поставлена здесь прямо и открыто. В отличие от дидактики первых пьесок для детей «Утро в редакции» содержит живую картину рабочего дня редактора периодического издания. Здесь нет ни запутанной интриги, ни переодеваний, считавшихся обязательными признаками водевиля; зато созданы колоритные образы разнообразных посетителей редакции. Трудно сказать, желал ли Некрасов видеть это свое произведение на сцене. Но всяком случае, это была его первая опубликованная пьеса, которой он, несомненно, придавал определенное значение.

Через несколько месяцев на сцене был успешно поставлен водевиль «Шила в мешке не утаишь – девушки под замком не удержишь», являющийся переделкой драматизированной повести В. Т. Нарезного «Невеста под замком». В том же 1841 г. на сцене появился и оригинальный водевиль «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке». Критика реакционной журналистики, литературы и драматургии, начавшаяся в «Утре в редакции», продолжалась и в новом водевиле. Появившийся спустя несколько месяцев на сцене некрасовский водевиль «Актер» в отличие от «феоклиста Онуфрича Боба...» имел шумный театральный успех. Хотя и здесь была использована типично водевильная ситуация, связанная с переодеванием, по она позволила Некрасову воплотить в условной водевильной форме дорогую для него мысль о высоком призвании актера, о назначении искусства. Показательно, что комизм положений сочетается здесь с комизмом характеров: образы персонажей, в которых перевоплощается по ходу действия актер Стружкин, очень выразительны и обнаруживают в молодом драматурге хорошее знание не только сценических требований, но и самой жизни.

В определенной степени к «Актеру» примыкает переводной водевиль Некрасова «Вот что значит влюбиться в актрису!», в котором также звучит тема высокого назначения искусства.

Столь же плодотворным для деятельности Некрасова-драматурга был и следующий – 1842 – год. Некрасов продолжает работу над переводами водевилей («Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах», «Волшебное Кокораку, или Бабушкина курочка»). Однако в это время, жанровый и тематический диапазон драматургии Некрасова заметно расширяется. Так, в соавторстве с П. И. Григорьевым и П. С. Федоровым он перекладывает для сцены роман Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Похождения Петра Степанова сына Столбикова».

После ряда водевилей, написанных Некрасовым в 1841–1842 гг., он впервые обращается к популярному в то время жанру мелодрамы, характерными чертами которого были занимательность интриги, патетика, четкое деление героев на «положительных» и «отрицательных», обязательное в конце торжество добродетели и посрамление порока.

Характерно, что во французской мелодраме «Божья милость», которая в переделке Некрасова получила название «Материнское благословение, или Бедность и честь», его привлекали прежде всего демократические тенденции. Он не стремился переложить; французский оригинал «на русские нравы». Но, рассказывая о французской жизни, Некрасов сознательно усилил антифеодалную направленность мелодрамы.

К середине 1840-х гг. Некрасов все реже и реже создает драматические произведения. Назревает решительный перелом в его творчестве. Так, на протяжении 1843 г. Некрасов к драматургии не обращался, а в 1844 г. написал всего лишь один оригинальный водевиль («Петербургский ростовщик»), оказавшийся очень важным явлением в его драматургическом творчестве. Используя опыт, накопленный в предыдущие годы («Утро в редакции», «Актер»), Некрасов создает пьесу, которую необходимо поставить в прямую связь с произведениями формирующейся в то время «натуральной школы».

Любовная интрига здесь отодвинута на второй план. По существу, тут мало что осталось от традиционного водевиля, хотя определенные жанровые признаки сохраняются. «Петербургский ростовщик» является до известной степени уже комедией характеров; композиция здесь строится по принципу обозрения.

«Петербургский ростовщик» знаменовал определенный перелом не только в драматургии, но и во всем творчестве Некрасова, который в это время уже сблизился с Белинским и стал одним из организаторов «натуральной школы». Чрезвычайно показательно, что первоначально Некрасов намеревался опубликовать «Петербургского ростовщика» в сборнике «физиология Петербурга», видя в нем, следовательно, произведение, характерное для новой школы в русской литературе 40-х годов XIX в., которая ориентировалась прежде всего на гоголевские традиции. Правда, в конечном счете водевиль в «физиологию Петербурга» не попал, очевидно, потому, что не соответствовал бы все же общему контексту сборника в силу специфичности жанра.

Новый этап в творчестве Некрасова, начавшийся с середины 40-х гг. XIX в., нашел отражение прежде всего в его поэзии. Но реалистические тенденции, которые начинают господствовать в его стихах, проявились и в комедии «Осенняя скука» (1848). Эта пьеса была логическим завершением того нового направления в драматургии Некрасова, которое уже было намечено в «Петербургском ростовщике».

Одноактная комедия «Осенняя скука» оказалась в полном смысле новаторским произведением, предвещавшим творческие поиски русской драматургии второй половины XIX в. Вполне вероятно, что Некрасов учитывал в данном случае опыт Тургенева (в частности, его пьесу «Безденежье. Сцены из петербургской жизни молодого дворянина», опубликованную в 1846 г.). Неоднократно отмечалось, что «Осенняя скука» предвосхищала некоторые особенности драматургии Чехова (естественное течение жизни, психологизм, новый характер ремарок, мастерское использование реалистических деталей и т. д.).

Многие идеи, темы и образы, впервые появившиеся в драматургии Некрасова, были развиты в его последующем художественном творчестве. Так, в самой первой и во многом еще незрелой пьесе «Юность Ломоносова», которую автор назвал «драматической фантазией в стихах», содержит мысль («На свете не без добрых, знать...»), послужившая основой известного стихотворения «Школьник» (1856). Много места театральным впечатлениям уделено в незаконченной повести «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», романе «Мертвое озеро», сатире «Балет».

Водевильные куплеты, замечательным мастером которых был Некрасов, помогли ему совершенствовать поэтическую технику, способствуя выработке оригинальных стихотворных форм; в особенности это ощущается в целом ряде его позднейших сатирических произведений, и прежде всего в крупнейшей сатирической поэме «Современники».

Уже в ранний период своего творчества Некрасов овладевал искусством драматического повествования, что отразилось впоследствии в таких его значительных поэмах, как «Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо» (драматические конфликты, мастерство диалога и т. д.).

В прямой связи с драматургией Некрасова находятся «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» (см.: наст. изд. т. III), где особенно проявился творческий опыт, накопленный им в процессе работы над драматическими произведениями.

* * *

В отличие от предыдущего Полного собрания сочинений и писем Некрасова (двенадцатитомного) в настоящем издании среди драматических произведений не публикуется незаконченная пьеса «Как убить вечер».

Редакция этого издания специально предупреждала: «„Медвежья охота“ и „Забракованные“ по существу не являются драматическими произведениями: первое – диалоги на общественно-политические темы; второе – сатира, пародирующая жанр высокой трагедии. Оба произведения напечатаны среди стихотворений Некрасова...» (ПСС, т. IV, с. 629).

Что касается «Медвежьей охоты», то решение это было совершенно правильным. Но очевидно, что незаконченное произведение «Как убить вечер» должно печататься в

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru том же самом томе, где опубликована «Медвежья охота». Разрывать их нет никаких оснований, учитывая теснейшую связь, существующую между ними (см.: наст. изд., т. III). Однако пьесе «Забракованные» надо печатать среди драматических произведений Некрасова, что и сделано в настоящем томе. То обстоятельство, что в «Забракованных» есть элементы пародии на жанр высокой трагедии, не может служить основанием для выведения этой пьесы за пределы драматургического творчества Некрасова.

Не может быть принято предложение А. М. Гаркави о включении в раздел «Коллективное» пьесы «Звонарь», опубликованной в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (1841, № 9) за подписью «Ф. Неведомский» (псевдоним Ф. М. Руднева). {Гаркави А. М. Состояние и задачи некрасовской текстологии. – В кн.: Некр. сб., V, с. 156 (примеч. 36).} Правда, 16 августа 1841 г. Некрасов писал Ф. А. Кони: «По совету Вашему, я, с помощью одного моего приятеля, переделал весьма плохой перевод этой драмы». Но далее в этом же письме Некрасов сообщал, что просит актера Толченова, которому передал пьесу «Звонарь» для бенефиса, «переделку ... уничтожить...». Нет доказательств, что перевод драмы «Звонарь», опубликованный в «Пантеоне», – тот самый, в переделке которого участвовал Некрасов. Поэтому в настоящее издание этот текст не вошел. Судьба же той переделки, о которой упоминает Некрасов в письме к Ф. А. Кони, пока неизвестна.

Предположение об участии Некрасова в создании водевиля «Потребность нового моста через Неву, или Расстроенный сговор», написанного к бенефису А. Е. Мартынова 16 января 1845 г., было высказано В. В. Успенским (Русский водевиль. Л.–М., 1969, с. 491). Дополнительных подтверждений эта атрибуция пока не получила.

В настоящем томе сначала печатаются оригинальные пьесы Некрасова, затем переводы и переделки. Кроме того, выделены пьесы, над которыми Некрасов работал в соавторстве с другими лицами («Коллективное»), Внутри каждого раздела тома материал располагается по хронологическому принципу.

В основу академического издания драматических произведений Некрасова положен первопечатный текст (если пьеса была опубликована) или цензурованная рукопись. Источниками текста были также черновые и беловые рукописи (автографы или авторизованные копии), в том случае, если они сохранились. Что касается цензурованных рукописей, то имеется в виду театральная цензура, находившаяся в ведении III Отделения. Цензурованные пьесы сохранялись в библиотеке императорских театров.

В предшествующих томах (см.: наст. изд., т. I, с. 461–462) было принято располагать варианты по отдельным рукописям (черновая, беловая, наборная и т. д.), т. е. в соответствии с основными этапами работы автора над текстом. К драматургии Некрасова этот принцип применим быть не может. Правка, которую он предпринимал (и варианты, возникающие как следствие этой правки), не соотносилась с разными видами или этапами работы (сбор материала, первоначальные наброски, планы, черновики и т. д.) и не была растянута во времени. Обычно эта правка осуществлялась очень быстро и была вызвана одними и теми же обстоятельствами – приспособлением к цензурным или театральным требованиям. Имела место, конечно, и стилистическая правка.

К какому моменту относится правка, не всегда можно установить. Обычно она производилась уже в беловой рукописи перед тем, как с нее снимали копию для цензуры; цензурные купюры и поправки переносились снова в беловую рукопись. Если же пьеса предназначалась для печати, делалась еще одна копия, так как экземпляр, подписанный театральным цензором, нельзя было отдавать в типографию. В этих копиях (как правило, они до нас не дошли) нередко возникали новые варианты, в результате чего печатный текст часто не адекватен рукописи, побывавшей в театральной цензуре. В свою очередь, печатный текст мог быть тем источником, по которому вносились поправки в беловой автограф или цензурованную рукопись, использовавшиеся для театральных постановок. Иными словами, на протяжении всей сценической жизни пьесы текст ее не оставался неизменным. При этом порою невозможно установить, шла ли правка от белового автографа к печатной редакции, или было обратное движение: новый вариант, появившийся в печатном тексте, переносился в беловую или цензурованную рукопись.

Беловой автограф (авторизованная рукопись) и цензурованная рукопись часто служили театральными экземплярами: их многократно выдавали из театральной

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru библиотеки разным режиссерам и актерам на протяжении десятилетий. Многочисленные поправки, купюры делались в беломом тексте неустановленными лицами карандашом и чернилами разных цветов. Таким образом, только параллельное сопоставление автографа с цензурованной рукописью и первопечатным текстом (при его наличии) дает возможность хотя бы приблизительно выявить смысл и движение авторской правки. Если давать сначала варианты автографа (в отрыве от других источников текста), то установить принадлежность сокращений или изменений, понять их характер и назначение невозможно. Поэтому в настоящем томе дается свод вариантов к каждой строке или эпизоду, так как только обращение ко всем сохранившимся источникам (и прежде всего к цензурованной рукописи) помогает выявить авторский характер правки.

В отличие от предыдущих томов в настоящем томе квадратные скобки, которые должны показывать, что слово, строка или эпизод вычеркнуты самим автором, но могут быть применены в качестве обязательной формы подачи вариантов. Установить принадлежность тех или иных купюр часто невозможно (они могли быть сделаны режиссерами, актерами, суфлерами и даже бутафорами). Но даже если текст правил сам Некрасов, он в основном осуществлял это не в момент создания дайной рукописи, не в процессе работы над ней, а позже. И зачеркивания, если даже они принадлежали автору, не были результатом систематической работы Некрасова над литературным текстом, а означали чаще всего приспособление к сценическим требованиям, быть может, являлись уступкой пожеланиям режиссера, актера и т. д.

Для того чтобы показать, что данный вариант в данной рукописи является окончательным, вводится особый значок – ромбик сигнализирует, что последующей работы над указанной репликой или сценой у Некрасова не было.

Общая редакция шестого тома и вступительная заметка к комментариям принадлежат М. В. Теплинскому. Им же подготовлен текст мелодрамы «Материнское благословение, или Бедность и честь» и написаны комментарии к ней.

Текст, варианты и комментарии к оригинальным пьесам Некрасова подготовлены Л. М. Лотман, к переводным пьесам и пьесам, написанным Некрасовым в соавторстве, – К. К. Бухмейер, текст пьесы «Забракованные» и раздел «Наброски и планы» – Т. С. Царьковой.

Петербургский ростовщик
Печатается по ЦР.

Впервые опубликовано: куплеты Ростомыхова (явл. 10) (в ином, чем в водевиле, варианте) – ЛГ, 1844, 31 авг., № 34; куплеты Лоскуткова «Было года мне четыре со Плути – капитал!» (явл. 2) (с вариантами; на шесть строф полнее театрального текста, по с изъятием, очевидно по цензурным соображениям, ст. 23–24 и 31, с заглавием: «История ростовщика. Из нового неизданного водевиля» и подписью: «П-ре-й Перепельский» – см.: наст. изд., т. I, с. 410–412, 684) – ЛГ, 1845, 4 янв., № 1 (перепечатано: ПА, с. 28–31, без подписи); куплеты Лоскуткова о пощечине (явл. 13) (с вариантами ст. 19 и 23) – ПА, с. 36–37, без подписи; полностью – Собр. соч. 1930, т. III, с. 310–337.

В собрание сочинений впервые включено в последнем из названных изданий.

Автограф не найден. Цензурованная рукопись (ЦР; писарская копия) – ЛГТБ, I, VI, 3, 43, № 4049. Была подана в Контору императорских театров для препровождения в цензуру 14 ноября 1844 г. режиссером Александровского театра Н. И. Куликовым. Заключение цензора М. Гедеонова, подпись которого проведена через всю рукопись пьесы, было не вполне благоприятно. Считая, что в водевиле нет ничего предосудительного и разрешая его, Гедеонов тем не менее утверждал, что пьеса «довольно грязная». В соответствии с этим взглядом Гедеонов произвел довольно много изъятий наиболее резко обличительных куплетов и фривольных выражений и потребовал некоторых изменений в тексте с целью устранить упоминания о боге, религии и черте. Цензором вычеркнуты следующие строки и отдельные слова: с. 137–138, строки 32–1: «вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут...»; с. 138, строки 19–20: «я уж о других расходах не говорю...»; там же, строки 36–38: «вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите»; с. 139, строка 9: «(крестится)»; с. 140, строки 37–40: «Вот черта так совсем в свете нет ~ верь тут ученым!..» (в связи с вычеркиванием этой фразы заменено: «черт тебе их не даст» на «никто тебе их не даст» – с. 141,

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovniko1ai.ru строка 2); с. 141, строка 5 – с. 142, строка 20: «Было года мне четыре ~ Плутни – капитал!»; с. 144, строка 42: «моим богом»; с. 145, строка 25: «Подлинно рука провидения...»; с. 146, строка 23: «богом божусь»; с. 149, строки 5–6: «подлецы вы, мошенники!» (вместо этого вписано: «обман...»); с. 149, строка 19: «богу»; с. 152, строки 2–3: «Господи! Мать пресвятая богородица!..»; с. 152, строка 6: «мошенник!».

Рукопись отражает особенности бытования пьесы на сцене (режиссерские пометы об исполнителях и реквизите).

Разрешение поставить пьесу «Ростовщик» с указанными выше цензурными изъятиями и исправлениями было дано Дубельтом 8 декабря 1844 г. (ЦГИА, ф. 497, он. 1, № 9937, л. 92). Она была представлена на сцене Александринского театра под названием «Петербургский ростовщик». Таким образом, название этого водевиля совершило эволюцию, обратную той, которая привела к превращению «Петербургского актера» в «Актера».

Замысел изобразить ростовщика как петербургский тип и как принадлежность социального быта столицы связывал этот водевиль более тесно и непосредственно, чем «Актера», с «натуральной школой» и с издательскими начинаниями молодого Некрасова, способствовавшими ее становлению.

У Некрасова было намерение включить водевиль «Петербургский ростовщик» в программный сборник «натуральной школы» «Физиология Петербурга». 12 ноября 1844 г. «Русский инвалид» (№ 256) в фельетоне «Журнальные отметки», сообщая о подписке на «физиологию Петербурга», перечислял статьи будущего сборника, фельетон этот скорее всего был составлен Некрасовым, сотрудничавшим в «Русском инвалиде», или основывался на сведениях, от него полученных. Среди перечисленных в фельетоне статей «физиологии Петербурга» указан и водевиль «Петербургский ростовщик» Перепельского, Пьеса, однако, не появилась в сборнике. Вместо нее в «физиологии Петербурга» была напечатана повесть Некрасова «Петербургские углы». Б. Я. Бухштаб выдвигает предположение, что именно желание автора напечатать эту повесть задержало выход сборника на несколько месяцев (Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 60–62).

Первое исполнение водевиля состоялось в бенефис П. Г. Григорьева 2-го при участии В. В. Прусакова, Ю. Н. Линской, В. В. Самойлова, Е. И. Гусевой, бенефицианта и других актеров 1 июня 1845 г. 6 и 8 июня 1845 г. спектакль был повторен.

В Центральной музыкальной библиотеке академических театров в Ленинграде сохранялись оркестровые номера, которыми сопровождалось исполнение куплетов (ТН, с. 253).

Отзывы критики на исполнение водевиля были неблагоприятны. Критик «Репертуара и Пантеона» нашел сюжет водевиля и главное его лицо крайне неправдоподобными (РиП, 1845, т. 81, кн. 7, отд. «Театральная летопись», с. 14–15), а критик «Литературной газеты», напротив, утверждал, что водевиль и его главный герой «грязны» именно в силу их чрезмерной реальности (ЛГ, 1845, 18 окт., № 40).

Есть основание предположить, что водевиль «Петербургский ростовщик» Некрасова был известен А. Н. Островскому. С текстом его Островского познакомил, по-видимому, сам автор – редактор «Отечественных записок». В пьесе Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын», напечатанной в 1872 г. в «Отечественных записках», есть сюжетные совпадения с водевилем Некрасова. Главным героем обеих пьес является ростовщик, скрывающий свое богатство из скупости и ведущий образ жизни бедняка, он морит голодом жену и молодую девушку (у Некрасова – дочь, у Островского – племянницу), создает препятствия для ее брака с любимым человеком. Ростовщик-скряга заставляет дочь (у Некрасова) и жену (у Островского) ходить зимой в мужской шинели, чтобы не тратиться на приобретение верхней одежды для нее. Потеряв несколько тысяч из большого капитала, герой Некрасова пытается удавиться, а герой Островского осуществляет такую попытку. Можно предположить, что эти элементы сюжета пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын» были навеяны «Петербургским ростовщиком» Некрасова.

В. Е. Евгеньев-Максимов, обнаруживший в 1921 г. в Театральной библиотеке в

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru Ленинграде рукопись «Петербургского ростовщика», утверждал, что этот водевиль Некрасова «принадлежит к числу тех сто произведений, которые до наших дней способны привлекать к себе внимание» (Некр. и театр, с. 169). Действительно, хотя нельзя назвать ни одной сколько-нибудь значительной постановки этой пьесы на современной сцене, неоднократно; делались более или менее удачные попытки показать ее на телевизионном экране. В 1964 г. по водевилю «Петербургский ростовщик» на Ленинградской студии телевидения был создан спектакль: режиссер – В. Карпов, композитор – В. Шаповалов, ведущий оператор – Л. Пономарев, художник – Г. Дрейман, редактор – К. Демченко; роли исполняли: Г. Колосов (Лоскутков), Н. Боярский (Налимов), И. Лепешенкова (Лиза). В спектакле также участвовали И. Корякина, А. Абрамов и др. В 1977 г. «Петербургский ростовщик» был поставлен на Центральной студии телевидения. Главную роль исполнял А. Адоскин.

К 1979 г. относится телевизионный фильм «Сватовство гусара» (по пьесе Некрасова): постановка С. Дружининой; исполнители: А. Попов (Лоскутков), М. Боярский (гусар, «заменяющий» в экранизации Налимова), Е. Коренева (Лиза).

С. 139. Микель Анжело... Буэнаротти... или Рафаэля Сакцио – Герой водевиля искаженно произносит имена великих и наиболее популярных итальянских художников эпохи Возрождения – Микеланджело Буонарrotти (1475–1564) и Рафаэля Санти (1483–1520). Упоминание этих художников как возможных авторов картины, о которой идет речь в водевиле, абсурдно и носит чисто комический характер.

С. 141. Чив – от слова чивый, т. е. щедрый.

С. 147. ...с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок... – Коломенская часть – правый берег Фонтанки при ее слиянии с Екатерининским каналом, в первой половине XIX в. окраинный район Петербурга; Литовский замок – крепость в Петербурге, в которой помещались казармы сначала Кавалергардского, а затем Литовского (отсюда – название) мушкетерского полка. С 1870-х гг. была превращена в тюрьму. Район, окружавший крепость, также именовался Литовским замком (ныне Октябрьский район Ленинграда).

С. 149. Легран – владелец ресторана в Петербурге.

С. 151. А мой удел – сердечный холод и безнадежная любовь.– См. выше, с. 664, комментарий к водевилю «Феоклист Онуфрич Боб».

С. 152. ...я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей. – В «Фаусте» Гете Мефистофель превращается в черную собаку (ч. I, сцены «У ворот» и «Кабинет»). Однако никакого упоминания о том, чтобы он ел людей, здесь нет. «Фауст» Гете принадлежал к числу литературных произведений, привлекавших особенно пристальное внимание В. Г. Белинского и его друзей, в кругу которых Некрасов в 1844 г., когда писался «Петербургский ростовщик», был уже «своим человеком». Белинский относил перевод «Фауста», сделанный М. Вронченко, к числу значительных литературных явлений года (Белинский, т. VIII, с. 475). На эту же тему Тургенев в 1844 г. писал большую статью. Упомянув о приключениях Мефистофеля в своем водевиле, Некрасов скорее имеет в виду народную книгу о Фаусте, кукольную комедию или легенды о нем, чем «Фауста» Гете (о литературных и фольклорных обработках сюжета о Фаусте см. в кн.: Легенда о докторе Фаусте. Подгот. В. М. Жирмунским. Изд. 2-е, испр. М., 1978).

С. 157. ...жительствую временно у Демута... – Гостиница Демута в Петербурге помещалась на набережной реки Мойки (ныне д. 40) и на Большой Конюшенной (ныне ул. Желябова, д. 27). В гостинице были и удобные, дорогие апартаменты, и дешевые номера.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nekrasovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Петербургский ростовщик. Николай Алексеевич Некрасов nekrasovnikolai.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!